

Если говорить о съемках закулисья фильма «Глубокая зима», то это превратилось в настоящий балаган. Цинь Аньюй был твердо уверен, что заголовок «Ци Цин учится актерскому мастерству» непременно взорвет интернет.

Последние два дня юноша напоминал жизнерадостного щенка: где бы ни разворачивались съемки, он тут же мчался туда, даже если ему оставалось лишь стоять в стороне и наблюдать. Поначалу от него было немало шума, но в последние дни все постепенно утихло. Теперь он просто стоял в сторонке, тихо наблюдал, а затем задумчиво размышлял о чем-то своем.

Когда Цинь Аньюй оказывался рядом, они тихо обменивались впечатлениями и опытом. Кажется, никто на съемочной площадке не мог спастись от «мучений», вызванных неумной жаждой знаний Ци Цина.

Режиссер Ван и сценарист Чжао Суюань с каждым днем проникались к парню все большей симпатией.

— Этот ребенок совсем не похож на отца по характеру. Трудно представить, что у Мин Юаня и Суцинь мог родиться такой живой и любопытный мальчишка, — режиссер Ван смеялся так, что не мог закрыть рта.

— И не говорите! Суцинь выросла на моих глазах. Цинцин не только лицом пошел в нее, но и повадками — точь-в-точь. В детстве, стоило кому-то из старших взять Суцинь на прогулку, как она тут же исчезала из виду. Эта неусидчивость — просто копия матери, — Чжао Суюань смотрела на юношу, и чем дольше смотрела, тем больше он ей нравился.

— Ха-ха, а я этого и не знал. Когда я познакомился с Суцинь, она уже была образцом кротости и добродетели, настоящей благородной девицей.

— С ним на площадке стало гораздо оживленнее, — заметил режиссер Ван, глядя, как Ци Цин бежит к ним.

— Что случилось, Цинцин? О какой сцене на этот раз хочешь расспросить? — с улыбкой в глазах поинтересовался режиссер.

— Вот в чем дело, режиссер Ван. Я не совсем понимаю этот эпизод с Чэнь Цайюнь. Хочу внести некоторые правки, поэтому пришел посоветоваться с вами и сценаристом Чжао, — серьезно произнес Ци Цин и протянул им сценарий.

Страницы были исписаны вдоль и поперек. Почерк юноши, хоть и казался еще не до конца сформировавшимся, был крепким и разборчивым, а каждый фрагмент текста был старательно выделен разными цветами.

Режиссер Ван, глядя на такой сценарий, невольно улыбнулся. Он внимательно слушал парня.

Глаза юноши, чистые и прозрачные, словно стеклянные шарики, ярко блестели. Даже когда он становился серьезным, этот блеск не угасал, а личико сохраняло привычное холодное выражение.

— Хм, мысли интересные... хотя на твой стиль это не очень похоже. Но как именно ты планируешь менять? — режиссер Ван погладил подбородок и задумчиво посмотрел на него.

Ци Цин указал на строку в сценарии и начал увлеченно излагать свои доводы. Говорил он очень быстро, но при этом логично и последовательно — было видно, что он все тщательно обдумал.

Режиссер Ван и Чжао Суюань слушали и согласно кивали. Когда Ци Цин закончил, режиссер хлопнул его по плечу:

— Неплохо, Цинцин! Не ожидал, что всего за несколько дней ты сможешь прийти к таким выводам. Видно, что ты серьезно поработал над образом. Отлично, просто отлично.

Чжао Суюань поддержала его:

— Верно. Эти правки действительно интересны. Если сыграть так, как ты предлагаешь, сцена станет куда ярче, а персонаж Чэнь Цайюнь — более объемным.

Ее вдруг осенило:

— А если следовать твоей логике, можно немного изменить и костюм. У меня появилась идея! Пойду перепишу сценарий и обсужу всё с костюмерами.

Получив одобрение от старших коллег, Ци Цин позволил себе едва заметную улыбку. Он почесал затылок и скромно произнес:

— Спасибо за похвалу, режиссер Ван, сценарист Чжао. Я просто поделился своими мыслями, мне еще многому нужно у вас поучиться.

Казалось, невидимый хвостик щенка за его спиной вот-вот взлетит к небесам.

Цинь Аньюй молча наблюдал за этой сценой. Стоявшая рядом Цинь Мувань, заметив его взгляд, тоже обернулась.

— Цинцин в последнее время так старается, — непринужденно заметила она. — Он как маленький моторчик, который никогда не устает. В нем столько энергии, что иногда я за ним просто не поспеваю. Когда я впервые его увидела, думала, он вспыльчивый и сложный в общении человек, а теперь кажется, что он просто милый котенок.

Цинь Аньюй едва заметно дрогнул. Котенок? А ему казалось, что щенок подходит больше.

— Нынешняя молодежь любит строить из себя холодных и неприступных, — с улыбкой объяснил он.

— Брат Аньюй, сейчас у тебя такое выражение лица, будто ты смотришь на ребенка, который намного младше тебя. Прямо как заботливый старший, — глаза Цинь Мувань заискрились смехом, она прищурилась, и ее тон стал чуть выше: — Брат Аньюй, а ведь ты ненамного старше Цинцина. Помнится, в прошлом месяце ты отметил двадцать четыре года, а ему, кажется, двадцать два...

Цинь Аньюй слегка улыбнулся, добавив в голос нотку иронии:

— И правда, по нему не скажешь.

Цинь Мувань не удержалась и рассмеялась:

— Брат Аньюй, ты выглядишь слишком зрело для своих лет. Совсем другой уровень. А у Цинцина такое личико — интересно, как он за ним ухаживает? Как очищенное вареное яйцо, гладкое и светлое. Выглядит таким юным, просто прелесть. Я бы поверила, если бы ты сказал, что он еще несовершеннолетний.

— М-м, пожалуй, ты права, — согласился Цинь Аньюй, отводя взгляд от коллег и снова сосредотачиваясь на сценарии.

Не прошло и минуты, как щенок, спотыкаясь, прибежал обратно. Он присел рядом и уставился на него своими преданными глазами, произнес самым обыденным тоном:

— Учитель Цинь, научите меня.

Цинь Мувань смотрела на них с завистью. Наверное, быть тем, на кого так смотрит этот милый юноша, — огромное счастье.

Вдруг два острых, как стрелы, взгляда скрестились на нем самом, словно пригвоздив Цинь Аньюя к месту. Атмосфера мгновенно накалилась.

Если с Ци Цином всё было понятно, то что случилось с Цинь Мувань? Почему она тоже так смотрит? Но он не мог обернуться, чтобы проверить. Цинь Аньюй постарался успокоиться и сосредоточился на разборе сцены для Ци Цина.

За эти дни он понял, что Ци Цин прекрасно контролирует эмоции — возможно, сказывается его музыкальное прошлое и природная чуткость к чувствам. Просто иногда ему нужно чуть

больше времени, чтобы вникнуть в суть.

Грим еще не был снят, и они так и сидели — один на корточках, другой на стуле — работая над ролью.

В глазах Цинь Мувань эта сцена выглядела как живописное полотно: тихий мостик, журчащая вода, струящийся дымок. Юноша, словно кроткий агнец, прижался к ногам мужчины. У того глаза светились мягким полумесяцем, а голос звучал ровно и спокойно, хотя, если прислушаться, в нем чувствовалась строгость.

Юноша слушал внимательно, не сводя глаз с указательного пальца мужчины, то и дело стыдливо отводя взгляд, но при этом украдкой клонил голову в сторону, слегка касаясь руки наставника. Это выглядело как случайное движение, но напоминало тщательно расставленную сладкую ловушку.

Мужчина объяснял серьезно, а юноша, прильнув к нему, ловил каждое слово, каждое движение — словно разыгрывали прекрасную поэму. Невозможно было не восхититься.

Видимо, услышав что-то забавное, мужчина тихо рассмеялся. Его улыбка была теплой, как весенний ветер, и манящей, как распустившийся цветок. Он небрежно взъерошил волосы юноши, и тот прищурился, словно ленивый кот, наслаждающийся солнцем.

— Ой! — внезапно воскликнула Цинь Мувань. Словно камень, брошенный в гладь озера, этот звук разрушил идиллию. Оба подняли головы и посмотрели на нее. Она смущенно коснулась лица и, как провинившийся ребенок, опустила голову, пробормотав извинения едва слышным шепотом.

Закончив разбор, Ци Цин исчез так же быстро, как и появился, словно его здесь никогда и не было.

Цинь Мувань крепко сжала платок, думая про себя: сама разрушила такую красоту, просто преступница какая-то!

<http://bllate.org/book/21461/2194671>